

ЭДИКТ КАРАКАЛЛЫ О ДАРОВАНИИ РИМСКОГО ГРАЖДАНСТВА НАСЕЛЕНИЮ ИМПЕРИИ

А. Ранович

Эдикт Каракаллы о даровании прав римского гражданства всему населению империи, изданный в 212 г., был хорошо известен на основании данных литературных источников. Важнейшие из них—свидетельства современников: Диона Кассия и Ульпиана. Дрон Кассий сообщает (77,9): «Он сделал римлянами всех своих подданных (πάυτας τοὺς ἐν τῇ ἀρχῇ αὐτοῦ)—на словах—чтоб оказать им благодеяние, на деле же, чтобы отсюда к нему притекало больше (налогов), так как пегрегрины большинства их не платят». По Ульпиану (Dig., 1, 5, 17), «in orbe Romano qui sunt, ex constitutione imperatoris Antonini cives Romani effecti sunt». В позднейшей литературе не раз упоминается об эдикте Каракаллы, как об акте, уравнившем всех. Автор SHA 10, 1, 2 говорит: «civitatem omnibus datam». Августин (Civ. Dei V, 17): «... omnes ad Romanum imperium pertinentes societatem acciperent civitatis et Romani cives essent, ac si esset omnium quod erat ante paucorum». В похвальном слове Оригену Григорий Чудотворец (PG, X, 1052) говорит о мудром законе, которым «ныне уравнено положение всех находящихся под властью римлян». В 78 новелле Юстиниана (539 г.) говорится, что «Антонин Пий»¹ дал римское гражданство всем в империи и тем перевел их из состояния peregrini в ранг римлян. Когда в 1910 г. был найден гиссенский папирус 40, содержащий текст эдикта Каракаллы, он не произвел поэтому сенсации, тем более, что дошел он в плохой сохранности. Единственно новое, что дал папирус, это ограничение категории лиц, облагодетельствованных Каракаллой; в эдикте сделано исключение для *dediticii*. Только после диссертации Э. Бикермана («Das Edikt des Kaisers Caracalla in Papyrus Gissensis, 40, В. 1926»), совершенно по-новому истолковавшего папирус, появилась огромная литература об эдикте, до сих пор привлекающем внимание историков, юристов и папирологов. Выставленные Бикерманом тезисы оказались в большинстве несостоятельными и отвергнуты наукой. Но он поднял ряд вопросов, которые до сих пор не находят удовлетворительного решения.

Оказалось, прежде всего, что первоначальное издание текста с дополнениями П. Мейера далеко не так удачно, как представлялось вначале, что текст нуждается в серьезном пересмотре.

¹ Трудно решить, спутал ли здесь автор Каракаллу с Антонином Пием или он присвоил Каракалле титул Pius, подобно тому как ему дается титул εὐσεβής в P. Оху, XVII, 2104.

P. Giss. 40 содержит 3, а может быть и 4, эдикта, сохранившиеся довольно плохо. В первом эдикте, содержащем *Constitutio Antoniniana*, в левой части недостает около трети каждой строки. Текст имеет следующий вид:

1. [20 букв] ρκος Αὐρηλι [10 букв] Ἀντωνινος Σ...ς λέγει
2. [19 букв] ἡ μάλλον ἀν [12 б.] αἰτίας καὶ λ...σμοῦ.
3. [16—18 б.] εἰς τοὺς ἀ...ατοὺς εὐχαριστησαίμι ὅτι τῆ. ταιαυτῆ.
4. [18—20 б.] ἡ ἐμε συν...ρησαν ταιαυτοῦν νομίζω οὕτω με
5. [19—21 б.] ὡς δονασθαι τῆ μεγαλειότης: αὐτῶν το ἱκανῶν ποι
6. [»] αἰς εἰαν ὀπεισέλθωσιν εἰς τοὺς ἐμοὺς ἀνθρώπους
7. [»] ἡ θεῶν συνεπενεύχ...μι δίδωμι ταιῶν ἀπα
8. [»] ἡ οἰκουμένην π...ταίαν Ῥωμαίων ἐγονότος
9. [19—22 б.] αὐτῶν χωρὶς τῶν...δικτῶν οὐφαίλει... το
10. [»] ναιν πάντα ἀλλὰ τῆ καὶ τῆ νικῆ ἐνπεριεῖ
11. [22—24 б.] ἀγχα ε...λλασε...μεγαλειότητα...ν Ῥωμ
12. [23—15 б.] ἡ περὶ τοὺς...ος γέγενησθαι ἡπερ διὰ
13. [25—30 б.] ...ταλαίρ...ων τῶ...καστής
14. ἡτῶ . . . π. ες . . .
15. ἡτῆ
16. ὀλω
17.

Восстановление полного текста папируса, очевидно, возможно лишь путем более или менее остроумных и удачных догадок, причем различные строки папируса представляют различные трудности. Первая строка восстанавливается без всяких трудностей, так как она содержит полный титул императора Каракаллы, хорошо известный по другим источникам. Строки 2—6 содержат мотивировку эдикта, смысл которой ясен: по случаю «спасения» от «козней» Геты, коварно убитого Каракаллой, император считает нужным воздать благодарение богам, увеличив число полноценных почитателей их. Только в деталях здесь возможны расхождения, порою весьма существенные, между интерпретаторами, по-разному восстанавливающими стиль эдикта и идеологическую окраску его вводной части. Точно так же ясны по содержанию, но спорны в деталях строки 10—13, содержащие, очевидно, указание на значение эдикта для величия римского народа. Хуже обстоит дело с строками 7—9, где заключено основное содержание эдикта; здесь меньше всего допустимо привнесение тех или иных формулировок интерпретатором по собственным домыслам, а недостающие слова и буквы делают основное содержание эдикта неясным; неизвестно, кому и на каких условиях дано право римского гражданства. Неудивительно, что вокруг этих трех строк возникла огромная литература и оживленная полемика, в которой приняли участие виднейшие папирологи, историки, юристы—Вилькен, П. Мейер. Ад. Вильгельм, Шенбауер, Струкс, Джонс, Белл, Бикерман, Сегре и многие другие.

Что касается строк 14—16, от которых сохранилось от 2 до 6 букв в строке, то их восстановление, очевидно, невозможно, и только Гейхельгейм рискнул предложить примерный текст строк 14—17, не претендуя, конечно, на то, что ему удалось восстановить текст подлинника. Сохранившаяся часть текста также не всюду достаточно ясна. В частности, в строке 2 П. Мейер читал в конце *λιβέλλρος*; в дальнейшем чтение этого слова уточнено: *λ [...] σφοδ[ς]* и читается *λογισμοῦς*. В одном из самых

ответственных мест эдикта, в строке 9, Бикерман увидел не *ατων*, а *ατως*, что позволило ему делать существенные выводы о содержании эдикта. Однако повторное изучение папируса окончательно подтвердило правильность первоначального чтения—*ατων*.

Для ориентации при дальнейшем анализе текста приводим наиболее полную реставрацию его, предложенную Гейхельгеймом¹.

1. [Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Μάρκος Αὐρήλι[ος Σεούρος] Αντωνῖνος[ς] Σεβαστός] λέγει
2. [πάντως εἰς τὸ θεῖον χρ]ῆ μᾶλλον ἀν[αφέρειν καὶ τὰς] αἰτίας καὶ τοὺς λ[ογι]σμοὺς[ς]
3. [δικαίως δ' ἂν κἀγὼ τοῖς θε]οῖς τοῖς ἀ[θαν]άτοις εὐχαριστήσαιμι ὅτι τῆς τριαύτης
4. [ἐπιβολῆς γενεμένης σώω]ν ἐμὲ συν[ετέ]ρησαν. ταιγαροῦν νυμίζω οὕτω με-
5. [γαλομερῶς καὶ θεοσπεπ]ῶς δύνασθαι τῇ μεγαλειότητι αὐτῶν τὸ ἰκανὸν ποι-
6. [εἶν, εἰ τοσάντις μορίους, ὅσ]᾽ ἄντις ἔαν ὑπερσελέθωσιν εἰς τοὺς ἐμοὺς ἀνθρώπους
7. [ὡς Ῥωμαῖους εἰς τὰ ἱερὰ τῶ]ν θεῶν συνεπενέγκ[οι]μι. δίδωμι τοῖνον ἅπα-
8. [σι τοῖς κατὰ τὴν Ῥωμαικ]ῆν οἰκουμένην π[ολει]τεῖαν Ῥωμαίων [μ]ένοντος
9. [δὲ παντὸς γένους συστημ]άτων χωρὶς τῶν [δε]δικτικίων. Ὀφείλει [γάρ] τὸ
10. [πληθος οὐ μόνον τᾶλλα συνοπ]ομένειν πάντα ἀ[λλ]᾽ ἠδὲ κ[αὶ] τῇ νίκῃ ἐμπεριει-
11. [λήφθαι. Τοῦτο δὲ τὸ ἐμαυτοῦ διάτ]αγμα ἐ[ξαλ]ώσει τὴν μεγαλειότητα [τοῦ] Ῥωμαί-
12. [ων δήμου. Συμβαίνει γάρ τὴν αὐτῆ]ν περὶ τοὺς ἀ[λλο]υς γεγενῆσθαι ἤπερ δι[τα]-
13. [πρέπουσαν ἀνέκαθεν Ῥωμαῖοι τιμῆ κα]ταλειφ[θέντων μηδεν]ῶν τῶν ἐ[κ]άστης
14. [χώρας ἐν οἰκουμένη ἀπολει]τεύτων ἢ ἀτιμ[ήτω]ν. Ἀπὸ δὲ τῶν π[ρ]οσ[έδων τῶν νῦν]
15. [ὑπαρχουσῶν συντελούντων ἅπερ ἐκελεύσ]θη [παρὰ Ῥωμαίων ἀπὸ τοῦ κ' ἔτους]
16. [ὡς δίκαιον ἐκ τῶν διαταγμ]άτων καὶ ἐπιστ[ολῶ]ν ἃ ἐξεδέθη ὑφ' ἡμῶν τε]
17. [καὶ τῶν κυρίων προγόνων προετέθη]

При восстановлении испорченного текста необходимо исходить прежде всего из состояния самого текста, и лишь там, где никаких следов букв не осталось, приходится дополнять по соображениям грамматического, стилистического, юридического и исторического характера. Здесь возможны неточности даже в мелочах. Например, в строке 8 слово π...τεῖαν бесспорно должно быть дополнено по смыслу πολιτεῖαν. Однако, по наблюдению Гейхельгейма, здесь место не для 3, а для 4 букв; он поэтому восстанавливает πολιτεῖαν, исходя из орфографии κοινῆ. Более серьезная деталь—... ατις в строке 6. Это слово может быть дополнено только ὅσ᾽ ἄντις. Но ὅσ᾽ ἄντις означает «всякий раз как», и тогда смысл строк 6—7 будет примерно такой: «если я присоединю к ... богов ... всякий раз как они включатся в число моих людей»; в этом случае эдикт получает характер не одновременного дарования гражданства, а периодического приема каких-то категорий: «всякий раз как они включатся». Это и дало повод Бикерману к своеобразному истолкованию всего документа. В своем исследовании *Constitutio Antoniniana* и его реставрации Stroux² предложил, основываясь на литературных аналогиях, читать стр. 6 так: εἰ τοσάντις μορίους, ὅσ᾽ ἄντις ἔαν ὑπερσελέθωσιν, т. е. «мирнады людей, сколько бы их ни включилось...» Эта поправка принята большинством последующих исследователей.

Но самая спорная часть текста—это как раз самая важная часть его, строки 6—9. В своей диссертации 1926 г. Бикерман предложил совершенно

¹ F. M. H e i c h e l h e i m, *The Text of the Constitutio Antoniniana and the other three decrees of the Emperor Caracalla in Papyrus Gissensis 40*; *JEA*, v. 26 (1940), стр. 10 сл.

² S t r o u x, *Die Constitutio Antoniniana*, «*Philol.*» LXXXVII (NF 42), (1933), стр. 227 сл.

иную редакцию, придающую нашему папирусу неожиданно новый смысл. Бикерман читает строки 6—9 следующим образом:

6. [εἶν εἰ τοὺς βερβάρους, ἐς]ίχικς ἐὰν ὑπεισέλθωσιν εἰς τοὺς ἐμοὺς ἀνθρώπους
7. [εἰς θρησκείαν τῶν ἡμετέρων θεῶν συνεπενέχ[οι]μι. δίδωμι τοῖνον ἀπα-
8. [σιν ἐπηλύτας τοῖς κατὰ τῆν] οἰκορμένην π[ολι:]τείαν Ῥωμαίων [μ]ένοντος
9. [τῷ φόσῳ τοῦ λόγον ἀπαρβα]βάτως χωρὶς των [δε]δικτιῶν...

В соответствии с этим Бикерман читает и строки 12—13:

12. [κελεύω δὲ τῆν αὐτὴν χάρι]ν περὶ τοῦς [ξέν]οος γεγενῆσθαι ἥπερ διὰ
13. [τοῦ προτέρου διατάγματος ἦδη]...

Гипотеза Бикермана радикально отвергает принятое до него толкование Pap. Giss. 40. Он видит в нем не Constitutio Antoniniana, а дополнение к ней, изданное в 213 г. и распространяющее действие эдикта также на варваров; при этом оговариваются интересы фиска—*μένοντος τῷ φόσῳ τοῦ λόγον ἀπαρβαβάτως*; мотивировка эдикта—привлечение также варваров к культу римских богов (*εἰς θρησκείαν τῶν ἡμετέρων θεῶν συνεπενέχοιμι*, строка 7). В соответствии с этим дается ссылка на предшествующий эдикт (*διὰ τοῦ προτέρου διατάγματος*, строка 13).

Гипотеза Бикермана теперь всеми признана несостоятельной. Его чтение—*ατως* в строке 9 оказалось неверным; тем самым отпадает чтение *ἀπαρβαβάτως*. Глагол *ὑπεισέρχομαι* означает включение в определенное правовое состояние, а не физическое вступление или вхождение; хронологически неприемлемо предположение об опубликовании «дополнительного» эдикта в 213 г.; реставрация строки 13 плохо увязывается с сохранившимся в этой строке остатком текста; мотивировка «дополнительного» эдикта желанием привлечь варваров к культу римских богов не представляется серьезной хотя бы уже потому, что варвары без труда усваивали римские культы, и ради этого не было надобности даровать им римское гражданство; непонятно, о каких варварах может идти речь в 213 г. и в чем мог заключаться государственный интерес, требовавший включения их в состав римских граждан. Таким образом, против гипотезы Бикермана имеются основательные палеографические, грамматические, хронологические и исторические возражения.

Но хотя гипотезу Бикермана пришлось отвергнуть, она принесла большую пользу исследованию документа, поскольку Бикерман правильно разрешил некоторые частные вопросы, связанные с эдиктом, и, главное, возбудил ряд вопросов, толкнувших исследователей на более углубленное изучение проблем, связанных с СА. Это изучение показало, как мало мы знаем историю Римской империи. Ряд кардинальных вопросов, вызванных публикацией эдикта, не находит удовлетворительного разрешения. Почему Каракалла издал свой эдикт, каковы были конкретные условия, подготовившие его? Кого коснулся эдикт? Что означает изъятие *dediticii*? Что такое *dediticii*? Как отразилось издание эдикта на различных категориях населения, в частности в Египте? Изменилась ли и в каком направлении налоговая система в империи? Означало ли издание эдикта отмену действующих норм местного права? Как проводился эдикт в жизнь? На все эти вопросы мы не находим прямого ответа в источниках, и решать их приходится главным образом на основании общих соображений и путем более или менее остроумных догадок.

Неизвестно даже, что представляет собой гиссенский папирус—официальную копию или частную запись, точный перевод с латинского оригинала или более или менее вольную передачу. Очень соблазнительное

предположение высказал Гейхельгейм. Папирус содержит, кроме *Const. Anton.*, еще другие документы: указ Каракаллы, разъясняющий и дополняющий изданный ранее по случаю «спасения» от Геты указ об амнистии; указ 215 г. об изгнании из Египта нежелательных элементов, в первую очередь крестьян, устремлявшихся в Александрию, чтобы спастись от гнета налогов. Между *Const. Anton.* и дополнением к указу об амнистии в совершенно испорченном тексте, где сохранилось только по 1—6 букв в строке, был записан, по всей вероятности, самый указ об амнистии, и Гейхельгейм сделал смелую попытку восстановить его текст, используя для этого сообщение Диона Кассия (88, 3, 3). Какова могла быть цель соединения на одном папирусе этих четырех указов? Гейхельгейм предлагает такое объяснение: египтянин, получивший гражданство по *Const. Anton.*, подвергшийся ранее проскрипции и затем попавший под амнистию, находится под угрозой высылки из Александрии на основании указа 215 г. Собираясь подать прошение о разрешении ему оставаться в Александрии, он заказал юристу копии указов, которые он, как это практиковалось, намеревался приложить к прошению. Это предположение Гейхельгейма хорошо объясняет, почему эти 4 документа оказались вместе.

Точный смысл P. Giss. 40, если, конечно, счастливый случай не даст науке другой, более совершенный текст, может быть установлен лишь на основании более полных знаний о социально-экономических отношениях в Римской империи III в.; только в этом случае можно будет с такой же полной уверенностью восстановить весь текст папируса, с какой восстанавливается первая строка.

Решающее значение для понимания СА имеют строки 8—9: П. Мейер реконструировал эти строки так:

8. [σιν ξένους τοῖς κατὰ τῆν οἰκουμένην πολιτεῖν Ῥωμαίων μένοντος

9. [παντός γένους πολιτεῶν] ἄτω χωρὶς τῶν δεδιτικίων..

т. е. дарую «всем переезжающим в ойкумене римское гражданство, причем сохраняются все виды *πολιτεῖατα* (политических статусов), кроме *dediticii*). Согласно этому чтению, право гражданства даровано всем, кроме *dediticii*, а получившие гражданство сохраняют свою принадлежность к полисам и другим политическим и гражданственным объединениям и категориям, к которым принадлежали до издания эдикта.

Толкование П. Мейера вызвало ряд возражений палеографических, грамматических и, главное, по существу. Указывают, что *πολιτεῶν* не уместится на лакуне, и предлагают поэтому *ταγμάτων* или *συστημάτων*. Далее, поскольку оговорка *χωρὶς τῶν δεδιτικίων* ограничивает содержание главного предложения (*δίδωμι τοῖσιν...*), здесь требуется соответствующий союз или частица; *χωρὶς τῶν δεδιτικίων*, по правилам греческого синтаксиса, не может относиться к сказуемому главного предложения *δίδωμι*, а лишь к причастию *μένοντος*, и в этом случае смысл эдикта будет тот, что право гражданства дается всем без ограничения, причем сохраняются все категории *πολιτεῶν*, кроме категории *dediticii*. Но, во-первых, *dediticii* не составляли *πολιτεῶν*, не были организованы; если же понимать *πολιτεῶν* в более широком смысле — как *status*, то и в этом случае не могло быть речи об упразднении категории *dediticii*, так как она продолжала существовать вплоть до Юстиниана. Кункель поэтому предложил совершенно противоположную формулировку: *μένοντος δ' ὀυδενός τῶν ἄλλων ταγμάτων χωρὶς τῶν δεδιτικίων*, «причем не остается ни одной из прочих категорий, кроме *dediticii*». К толкованию Мейера примыкает Stroux, предложивший (исходя из оши-

бочного чтения Бикермана—*προς*) свою версию: *μένοντος πολιτικῶν σφισιν ἀπαρβαθῶς*. Stroux считает, что оговорка *χωρίς τῶν δεδiticiῶν* относится к *δίδωμι*, что *dediticii*, следовательно, не получили гражданства т. е. «дарую римское гражданство всем, кроме *dediticii*, причем у них сохраняется их социальное положение» (*πολιτικῶν* в этом смысле вряд ли приемлемо в официальном документе). Многие исследователи приняли восстановление текста, предложенное Ad. Wilhelm'ом¹: *μένοντος οὐδενός ἐκτός τῶν πολιτευμάτων χωρίς κτλ.*, т. е. «причем никто не остается вне *πολιτεύματα*, кроме *dediticii*». Предложение Вильгельма встречено одобрительно последующими исследователями; оно означает, что гражданство получили все, в том числе и *dediticii*, причем новые граждане вступали в соответствующие организации для осуществления своих гражданских прав, кроме *dediticii*, которые становятся лишь свободными подданными, нечто вроде *cives sine suffragio*. Это толкование—полная противоположность толкованию Кункеля, по которому, как мы видели, эдикт у п р а з д н я е т все виды *πολιτεύματα*, кроме категории *dediticii*. Предложение Вильгельма имеет, однако, существенный недостаток—нельзя привести фактических доказательств того, что новые граждане действительно были включены в состав какого-нибудь *πολιτεῖα*; но оно хорошо объясняет г р а м м а т и ч е с к и *χωρίς τῶν δεδiticiῶν*.

В других строках P. Giss. 40, не столь принципиально важных, как строки 8—9, комментаторы также дают самые разнообразные дополнения, связанные с их общим пониманием эдикта. Но до сих пор единство мнений не достигнуто; пожалуй, вопрос все больше запутывается. При данном состоянии источников для более или менее удовлетворительного приближения к решению проблемы надо попытаться поставить эдикт в связь с общей политической ситуацией, найти для него место в системе имперского законодательства, в системе управления и хозяйствования.

Что побудило Каракаллу издать свой эдикт? Конечно, не любовь к своим любезным подданным (*τοὺς ἐμοὺς ἀνθρώπους*). Сам Каракалла мотивирует свой эдикт (смысл строк 2—7 в общем ясен, хотя в деталях возможны существенные разногласия) тем, что в благодарность богам за спасение он желает втянуть в культ богов в качестве достойных граждан все население империи. Каковы бы ни были действительные намерения Каракаллы, совершенно очевидно, что и он и его подданные должны были видеть в эдикте акт благоволения, соразмерный с поводом к нему—избавлением от Геты, акт такого же примерно значения, как и изданный по тому же поводу указ об амнистии. Очевидно, ни сам император, ни население не придавали эдикту значения переворота в социальных отношениях, так как само звание римского гражданина потеряло свое прежнее обаяние. Во времена Августа мысль о даровании всему населению римского гражданства, даже и не по такому незначительному поводу, никому не могла бы прийти в голову. Либерализм Клавдия в этом вопросе—довольно умеренный—вызвал насмешку Сенеки (*Aprocoloc.*, III): «Я, право, хотел прибавить ему несколько мгновений жизни, чтобы он успел одарить гражданством еще немногих оставшихся. Ведь он решил видеть в togaх всех греков, галлов и испанцев».

Но насмешка Сенеки отнюдь не свидетельствует о его политической пронципальности и дальновидности. Конечно, в то время уравнение всего населения в правах казалось нелепостью. Но уравнение, нивелирование населения было основной тенденцией империи и одним из важнейших исторических ее достижений. По мере того как реальные права граждан урезывались, число граждан возрастало, и, когда эти права свелись

¹ АЖА, v. 38 (1934).

к фикции, осталось сделать один шаг, чтобы уравнять всех в бесправии¹. Идея эта созрела уже во II в. По сообщению SHA (Comm., I, 14), уже Марк Аврелий замыслил даровать всем право римского гражданства, а еще раньше Элий Аристид многократно возвращается к этой мысли; она навязывалась объективными условиями жизни в империи, и Каракалла лишь официально завершил процесс, протекавший в течение столетий.

Упразднение общественной жизни, превратившейся к III в. в сущности в фикцию, обесценило принадлежность к римскому гражданству и подготовило благоприятную почву для уравнивания населения; римские граждане уже не дорожили своей привилегией, как в те времена, когда она давала реальные политические и экономические преимущества; они приняли эдикт без протеста, как новшество, задевавшее, может быть, самолюбие, но не внесшее серьезных изменений в практику повседневной жизни. Показательно в этом отношении, как Дион Кассий подает читателям этот акт—лишь между прочим, характеризуя алчность ненавистного ему Каракаллы. А ведь лет за сто до этого издание такого эдикта, если бы император на него решился, произвело бы потрясающее впечатление.

Конечно, издавая свой эдикт, вряд ли Каракалла руководился соображениями исторического характера и сознательно старался подчинить свою политику общей тенденции развития империи. Даже видные ученые того времени не могли отдавать себе отчет в закономерностях исторического процесса. Но конкретные интересы управления толкали императорскую власть на мероприятия, которые объективно, помимо сознания действующих лиц, отражали общую линию развития.

Прежде всего, сложность государственного бюджета, основанного на различных натуральных и денежных повинностях, настоятельно требовала реформ, направленных к упорядочению громадного финансового хозяйства империи, к созданию большего единства в этом отношении.

Финансовая реформа Септимия Севера потому тоже носила характер социальной реформы. Надо было по возможности уравнивать население в несении государственных тягот. Поскольку население фактически превращалось в подданных, лишенных участия в управлении государством, а honores—в титела (об этом говорят правительственные акты уже в II в., см. Dig. L, 2; de decurionibus et filiis eorum; L, 4, de muneribus et honoribus, особенно L, 6), деление на граждан и неграждан создавало только лишние трудности для финансового управления, не оправдываемые уже соответствующими политическими делениями. Эта мысль, хотя и в скрытой форме, выражена и в SA. Независимо² от того, как восстанавливать строки 9—10, смысл их ясен: «Надо, чтобы население, одинаково участвующее в тяготах, вкусило также и от победы». Реформа Каракаллы в этом смысле—один из подготовительных этапов к Диоклетиановой реформе, окончательно превратившей население империи, кроме высшей рабовладельческой знати, в податное сословие.

Деление на граждан и неграждан вступило также в противоречие с разработанным усиленно в III в. н. э. римским правом, которое имеет дело с частным собственником вообще, без различия общественного положения. Существование различных категорий неграждан препятствовало установлению единого римского права, поддерживало в провинциях

¹ О росте количества римских граждан до эдикта Каракаллы см. статью Шенбауера в ZSSr, т. 49, стр. 402.

² Одним из важнейших источников пополнения кадров римских граждан была служба в армии с тех пор, как армия стала пополняться негражданами и даже варварами. Точное число солдат, получивших вместе с отставкой права римского гражданства, не поддается учету, но оно должно было быть огромным. См. Н. А. М а ш к и н, Из истории римского гражданства, ИАН. Серия ист. и филос., № 5 (1945), стр. 359—372.

нормы местного права. Это чрезвычайно осложняло правовые взаимоотношения между различными категориями населения, создавало большие трудности для суда и администрации. Инструкция управляющего *ἴδιος ἕβρος* в Египте («гномон идиолога») показывает, как сложно и запутано было финансовое ведомство в Египте, вынужденное считаться с многими местными особенностями.

Неуклонно продолжавшаяся бюрократизация империи также требовала установления по возможности единого типа подданных. Для того, чтобы государственный аппарат действовал четко, он должен был строиться возможно проще, и это соображение, надо полагать, также должно было сыграть известную роль в мероприятии Каракаллы.

Наконец, имели значение и чисто политические соображения. Давно прошло то время, когда провинции были лишь придатком к Риму и Италии. Провинции составили органическую и притом важнейшую часть империи; «вся эта земля, — говорит Элий Аристид, — свелась к имени одного города», т. е. Рима (Похв. слово Риму, 198, 20). В последний период империи было проведено административное деление уже не по исторически сложившимся провинциям, а по географическому принципу. Деление на граждан и неграждан было историческим пережитком, вносящим лишь беспорядок и смуту. Конечно, получение римского гражданства не могло уже в III в., когда оно потеряло значение, быть лозунгом какого-либо противоимперского движения. Но смуты после смерти Коммода могли вызвать у императора желание утишить недовольство провинциалов дарованием им гражданства.

Что касается мотива, приводимого Дионом Кассием, то и он мог иметь значение. Новые граждане должны были, естественно, платить и налоги, взыскивавшиеся с римлян, в частности пятипроцентный налог на наследство (*vicesima hereditatum*), повышенный Каракаллой до 10%. А это была немаловажная статья в бюджете.

Все эти соображения заставляют думать, что эдикт Каракаллы имел всеобщий характер, что он коснулся максимально возможного числа неграждан. Только в этом был его смысл. Но что в таком случае означает ограничение для *dediticii*? По мысли П. Мейера, в толковании Сегре, оговорка насчет *dediticii* означает не ограничение, а, наоборот, расширение и уточнение: уничтожается самая категория *dediticii* («сохраняются все *политеύματα*, кроме *dediticii*»). Но это исторически неверно, ибо *dediticii* существовали и после CA; к тому же такая форма отмены категории *dediticii* была бы слишком неуклюжа. Если бы в самом деле таково было намерение законодателя, он должен был выразиться по-иному: «Я даю всем римское гражданство и упраздняю *status dediticiorum*; прочие *политеύματα* сохраняются»; а по Сегре получается: «Я даю всем римское гражданство, причем сохраняются все *политеύματα*, кроме *dediticii*» (которые, как указывалось, и не составляли *политеύματα*). Приходится признать, что в отношении *dediticii* сделано именно ограничение, а не поблажка. В чем оно заключалось?

Для решения этого вопроса необходимо предварительно установить, что представляли собою *dediticii* в начале III в. *Dediticii* в римском законодательстве не получили юридического определения. Этот термин, возникший в процессе завоеваний, применялся как сам собою разумеющийся, означая сдавшегося на капитуляцию неприятеля после упорного сопротивления. Сдавшиеся безоговорочно отдавали на милость победителей-римлян себя и все свое достояние — *urbem, agros, aquam, terminos, delubra, utensilia, divina humanaque omnia* (Liv., I, 38; V, 27 и др.). С этой точки зрения *dediticii* было население всех римских провинций, покоренных римлянами силой оружия. Но состояние *dediticii* не могло быть длитель-

ным; подчиненные племена и народы инкорпорировались в состав государства, получали ту или иную конституцию, иногда с течением времени получали даже свои *civitates liberae* и, оставаясь *peregrini*, фактически были нормальными подданными римского государства. Специального акта о прекращении состояния *dediticii* не требовалось; само собою было понятно, что с организацией соответствующей провинции как органической части государства население ее уже не было капитулировавшим на поле битвы неприятелем. *Dediticii* могли быть только недавно покоренные, еще окончательно не замирившие варвары. По мере того как римские завоевания приходили к концу, эта категория *dediticii* становилась все реже, и в то время, когда Каракалла издал свой эдикт, вряд ли *dediticii* этого рода существовали в заметном количестве.

Другой вид *dediticii* составляли покоренные варвары, поселенные на римской земле. Уже Август поселил убинов и сикамбров в Галлии у берегов Рейна (S u e t., Aug. 21), Тиберий переселил в Галлию 40 тысяч германцев, и Светоний (Tib., 9) прямо называет их *dediticii*. М. Аврелий переселил варваров даже на территорию Италии. Эта категория *dediticii* была более устойчива, поскольку принадлежавшие к ней варвары рассматривались как постороннее тело в государственном организме. Во время Каракаллы таких *dediticii* было еще немного.

Третью категорию составляли *dediticii* по *lex Aelia Sentia* 4 г. н. э., куда включались некоторые вольноотпущенники. По разъяснению Гая, *lex Aelia Sentia* имеет в виду, «чтобы рабы, которые были в наказание заключены господами в оковы или заклеены, или которые были подвергнуты допросу под пыткой по обвинению в преступлении и были уличены в этом преступлении, или которые были выданы для гладиаторского боя или боя с дикими зверями, или заключены в тюрьму, а затем были отпущены на волю тем же господином или другим, стали свободны на таком же положении, как *peregrini dediticii*»; «итак, свобода тех, кто относится к *dediticii* (*dediticiozum numero sunt*), самая плохая; ни один закон или распоряжение принцепса не открывает им доступа в римское гражданство. Мало того, им запрещается находиться в Риме или в пределах 100 миль вокруг него» (Gai, Instit., 1,3 сл.). Эти вольноотпущенники—*dediticiozum numero*—представляли, следовательно, подонки общества и не могли быть, конечно, многочисленны.

Таким образом, оставляя в стороне пока сущность ограничения для *dediticii* в СА, необходимо признать, что, поскольку *dediticii* всех категорий в то время были немногочисленны, это ограничение мало затрагивало общий характер эдикта, и Ульпиан имел право не считаться с ним, заявляя, что римскими гражданами стали *in orbe Romano qui sunt* без всяких ограничений.

Однако некоторые исследователи склонны значительно расширить понятие *dediticii*. Такие авторитетные папирологи, как П. Мейер, Миттейс, Вилькен, Джонс, выдвинули гипотезу, что к категории *dediticii* относятся все группы населения, обязанные платить подушную подать. Для этого собственно прямых данных нет. Но изучение египетских документов, свидетельствующих о приниженом положении народных масс римского Египта, внушило папирологам мысль с том, что египтяне были *dediticii* и не могли стать римскими гражданами. Точка зрения этих ученых, несмотря на их высокий авторитет, не выдерживает критики.

Во-первых, подушный налог (*tributum capitis*) платили ведь не только египтяне. Аппиан сообщает, что иудеи в Палестине платили более тяжелый подушный налог (*φόρος τῶν σωματῶν*), чем окружающее население. «Есть и для сирийцев и киликийцев ежегодный (налог), сотая часть ценза для каждого» (Syr. 50). Еще определеннее пишет Ульпиан: *in Syriis a quat-*

tuordecim annis masculi, a duodecim feminae usque ad sexagesimum quintum annum tributo capitis obligantur (Dig. L, 15, 3 pr.). О жителях Африки Постиф Флавий сообщает, что они παντοίως φορολογούνται (B. iud., II, 16, 4). Веспасиан освободил кесарийцев от tributum capitis (Dig., L. 15, 8, 7). Однако Мейер, Вилькен и др. не причисляют население Сирии, Палестины, Африки к dediticii; слишком было бы нелепо объявить dediticii города и области, давно эллинизованные, имевшие у себя мировые центры культуры, пользовавшиеся автономией и т. д. Да и в Египте городское население, имевшее свои городские организации, усвоившее греческую культуру, создававшее свои гимназии, театры, собиравшее и переписывавшее греческих классиков, никак нельзя считать бесправной массой dediticii. При Севере метрополии номов получили самоуправление. И даже еще при Антонине Пие ἄρχοντες и δῆμος Оксирикса заседают совместно с проживающими там римлянами и александрийскими гражданами (P. Оху, III, 473 = W33: [ἔδοξε τοῖς... Ὀξυρυχιδῶν ἄρχαι καὶ τῷ δήμῳ καὶ Ῥωμαίων καὶ Ἀλεξανδρέων τοῖς παρεπιδημοῦσι]). Сегре, а также Джонс предлагают поэтому считать дедитициями только сельское население, но не жителей метрополий; но это совершенно произвольное предположение — ведь и городское население метрополий платило подушную подать. Да и вообще источники не знают деления египтян в социально-политическом отношении на разряды. В декларации P. Оху, III, 180 (132 г.) домовладелец клянется, что, кроме перечисленных жильцов, у него не живет больше никто — μήτε ἐπίσημος μήτε Ῥωμαῖος μήτε Ἀλεξανδρεὺς μήτε Αἰγύπτιος μήτε ἀπελευθέρως. Те же самые категории перечисляются в P. Оху, II, 255 (= W 201, 48 г.). Жители метрополий большей частью платили подушный налог по уменьшенной ставке, для чего должны были в индивидуальном порядке подвергнуться проверке (ἐπίκρισις) в особой комиссии; но это, конечно, не может служить основанием для того, чтобы делить египтян на peregrini и dediticii. Гномон идиолога также знает только одну категорию Αἰγύπτιοι, и, если бы действительно сельское население (ἐγχώριοι) составляло особую, наиболее бесправную группу египтян, гномон, подробно разбирающий гражданско-правовые отношения между различными категориями населения, не мог бы не упомянуть ее. В папирусе 250 г. (JEA (1935), стр. 244) сельские жители (χωῖται) жалуются, что город Арсиноя привлекает их к городским литургиям вопреки распоряжению Севера; представители метрополии возражают, что ἀεὶ χωῖται παρ' ἡμεῖν προβάλλονται εἰς κοσμητείας — «сельчане всегда привлекаются нами на литургии косметов». Наконец, Ульпиан разъясняет, что «кто происходит из села, у того родной считается республика, к которой относится то село» (Dig. L, I, 30).

Таким образом, источники опровергают гипотезу Сегре, и приходится считать, что либо ни один египтянин не принадлежал к dediticii, либо все были dediticii; но в последнем случае придется признать, что и население Сирии и Африки было dediticii, что совершенно неприемлемо.

Идущее еще от Моммзена ошибочное представление, будто египетские крестьяне были dediticii и не получили гражданства по эдикту Каракаллы, категорически опровергается бесспорным документом — папирусом 276 г. (Me u e r, Jur. Pap. № 133 = Mitteis, Chr. 364): Ἀὐρηλῖος Παννέβτι Σηπύροοκόζ από κόμης Θεοξένιδος берет в аренду 56 коз от Ἀὐρηλίου Παβούτος Καλάμου από κόμης Εὐήμερίδης. Оба контрагента, как видно по именам, — египтяне, оба — сельские жители (ἀπό κόμης) и оба — римские граждане (Аврелии).

Вилькен в своих «Grundzüge» приводит, — правда, не без колебаний, — положительный аргумент в пользу своего предположения, что dediticii = λαογραφούμενοι (обязанные подушным налогом). Папирус № 61 и особенно № 63 говорят как будто о том, что ὁμόλογοι = λαογραφούμενοι. Но глагол ὁμολογεῖν означает, между прочим, «сдаваться»; следовательно,

$\delta\epsilon\delta\iota\tau\iota\kappa\acute{o}\iota = dediticii = \lambda\alpha\sigma\gamma\rho\alpha\phi\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$. Это арифметическое равенство неверно потому, что $\delta\epsilon\delta\iota\tau\iota\kappa\acute{o}\iota$ лишь частично может равняться $dediticii$ и $\lambda\alpha\sigma\gamma\rho\alpha\phi\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$, а такое частичное совпадение не дает права заключить о тождестве. Вилькен, впрочем, сам сознает шаткость этого аргумента и на нем не настаивает.

Итак, необходимо признать, что под $dediticii$ в момент издания СА можно понимать только небольшие группы недавно покоренных племен, варваров, поселенных на римской территории на положении $dediticii$, и вольноотпущенников по *lex Aelia Sentia*. Теперь мы можем вернуться к строкам 8—9 СА.

Какие оговорки естественно напрашивались при издании эдикта? Во-первых, эдикт должен был произвести впечатление благодеяния всем, получающим новое гражданство, не затрагивающего при этом их старых привилегий. Многочисленные надписи и папирусы показывают, как крепко цеплялись провинциалы за свои мишурные привилегии. Александрийский гражданин считал себя значительно выше египтянина, $\alpha\iota\ \alpha\pi\omicron\ \gamma\omicron\upsilon\nu\alpha\kappa\iota\omicron\upsilon$ — выше простого горожанина и т. д. С другой стороны, старые римские граждане, имевшие в провинциях свои организации, рассматривали себя как элит и с пренебрежением смотрели на неграждан или новых граждан. Чем дальше заходил упадок общественной жизни, тем больше дорожили пустыми незначительными титулами, которые тешили тщеславие их обладателей. Всеобщее уравнение без оговорок означало бы удар по привилегированным группам, для которых благодеяние превратилось бы в обиду. Кроме того, при существовании различных степеней обложения населения налогами и повинностями и сложного местного законодательства, учитывавшего различия в социальном положении отдельных категорий провинциалов, внезапная отмена всех этих многообразных категорий внесла бы сумятицу в управление провинциями. Поэтому СА должна была содержать оговорку, что все существующие $\mu\omicron\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\alpha\tau\omega\nu$ остаются неприкосновенными. Конечно, с течением времени в результате СА и в силу общей нивелирующей тенденции империи различия в конце концов сгладились, но это проходило постепенно и без потрясений.

Таким образом, мне представляется правильным дополнение текста строк 8—9, сделанное П. Мейером: $\mu\epsilon\nu\omicron\tau\omicron\varsigma\ \mu\alpha\nu\tau\omicron\varsigma\ \gamma\epsilon\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \mu\omicron\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\alpha\tau\omega\nu$ (или лучше $\sigma\omicron\sigma\tau\eta\rho\alpha\tau\omega\nu$, так как $\mu\omicron\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\rho\alpha\tau\omega\nu$ не умещается в лакуне) — «с сохранением всякого рода существующих $\sigma\omicron\sigma\tau\eta\rho\alpha\tau\alpha$ »; ничьи интересы не получают ущерба.

Другая оговорка должна была ослабить неприятное впечатление, которое эдикт мог произвести на «старых» граждан, привилегированное положение которых обесценивалось в значительной мере дарованием римского гражданства всему свободному населению. Римляне могли воспринять как оскорбление включение в их состав варваров, к которым чувствовали презрение, и особенно вольноотпущенников по *lex Aelia Sentia*, столь убийственно характеризуемых в «Институциях» Гая. Изъятие $dediticii$ из СА должно было отдать должную дань чувству *indignatio* римлян по отношению к $dediticii$. Я поэтому полагаю, что $\chi\omega\rho\iota\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\omega\ \delta\epsilon\delta\iota\tau\iota\kappa\acute{o}\iota\omega\nu$ надо отнести не к $\mu\epsilon\nu\omicron\tau\omicron\varsigma$, а к $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$.

Против этого толкования возражали, что оно не соответствует правилам греческого синтаксиса. Но, во-первых, если отнести $\delta\epsilon\delta\iota\tau\iota\kappa\acute{o}\iota\omega\nu$ к $\mu\epsilon\nu\omicron\tau\omicron\varsigma$, получается гораздо более серьезная синтаксическая ошибка, так как следовало бы сказать $\chi\omega\rho\iota\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \tau\omicron\upsilon\omega\ \delta\epsilon\delta\iota\tau\iota\kappa\acute{o}\iota\omega\nu$. Во-вторых, о каком синтаксисе идет речь? Синтаксисе Геродота и Платона или евангелия и Оригена? $\delta\sigma\acute{\alpha}\mu\iota\varsigma\ \acute{\epsilon}\acute{\alpha}\nu$ вместо $\delta\sigma\acute{\alpha}\mu\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\nu$ мы тоже у классиков не могли бы встретить. Текст СА вообще построен довольно вычурно. Главное же, надо иметь в виду, что текст папируса представляет перевод

с латинского. Мы не знаем, имеем ли перед собой официальный греческий перевод или это перевод, сделанный *ad hoc* по заказу частного лица. Но исходить надо из латинского текста. Я не беру на себя смелости вос- станавливать латинский оригинал; но он мог звучать так: *do igitur omnibus qui in orbe Romano sunt* (ср. Ульпиан) *civitatem Romanam manente omni genere statuum (или constitutionum) exceptis dediticiis (или praeter dediticios)*. По латыни такая формулировка законна, как и по-русски: «дарую всем живущим в римском мире римское гражданство, с сохранением всех существующих конституций, кроме дедитициев». Возможно, что такая конструкция фразы выбрана умышленно, чтобы не опорочить с первого слова всеобщий характер благодеяния, написав сразу за *omnibus* ограничение *praeter dediticios*.

Но мы имеем и прямое доказательство того, что *dediticii* были изъяты из действия СА. Ульпиан (Reg., XX, 14—15) пишет: *Latinus Iunianus item is qui dediticiorum numero est, testamentum facere non potest; Latinus quidem quoniam lege Junia prohibitus est; is autem qui dediticiorum numero est, quoniam nec quasi civis Romanus testari potest, cum sit peregrinus, nec quasi peregrinus, quoniam nullius certae civitatis est, ut secundum leges civitatis suae testetur*.

Некоторые исследователи СА цитируют этот текст в другой связи, но не обратили внимания на существенное обстоятельство: Ульпиан говорит, что *dediticius* (речь идет о вольноотпущенниках по *lex Aelia Sentia*, поэтому Ульпиан говорит о них *qui in dediticiorum numero est*) не может составлять завещания, «так как он не может составлять завещание ни как римский гражданин, поскольку он перегрин, ни как перегрин, так как он не принадлежит ни к одной определенной городской общине (*civitas*), в соответствии с законами которой он мог бы составить завещание». *Dediticii*, следовательно, после СА оставались перегринами. Да и было бы совершенно невероятно, чтобы любой варвар, сдавшийся в бою римлянам, автоматически получал римское гражданство. Наконец, определенно известно, что институт вольноотпущенников *dediticii* отменен только Юстинианом (*Instit.*, I, 5, 3; *Cod. Just.*, 7, 5—6).

Изъятие *dediticii* в СА не умаляло в глазах современников всеобщего характера эдикта, так же как изъятие рабов; Ульпиан мог поэтому писать вообще «*qui in orbe Romano sunt*»; само собою было понятно, что *dediticii*—варвары, враги Рима и заклеянные преступлением рабы не могли включаться в *τοὺς ἐμὸς ἀνθρώπους*—«близких сердцу императора людей».

Издание эдикта должно было привести к целому ряду изменений в действовавшем законодательстве, в положении бывших *peregrini*, в системе управления. *πολιτεῖαι* остались неприкосновенными, и, например, *ἐπίκρισις* для включения в состав привилегированной группы *ἀπο γένους* упоминается и после СА¹. Но понятно, что перестали действовать ограничения в *ius connubii*, в праве наследования и т. д., какие мы находим в «Гномоне идиолога». «Новые Аврелии»—бывшие перегрины, принявшие в честь Каракаллы пронамен Аврелий,—сознавали себя римлянами. и впоследствии *φορτίον*—ромей—стало обозначать как раз неримлян по происхождению. Все это требовало дополнительных распоряжений, инструкций, разъяснений. Мы видели из гиссенского папируса, что даже указ об амнистии потребовал дополнительного указа, разъясняющего ретивым администраторам, что разрешение беглым вернуться на родину не означает насильственного водворения их по месту прежнего жительства. К сожалению, акты, разъясняющие и дополняющие СА, до нас не дошли, и последствия СА в деталях неясны. Что здесь были возможны на практике

¹ A. C. h. J o h n s o n, *Roman Egypt* Balt. 1936, стр. 250.

различные толкования, показывают интересные материалы, приведенные в статье Е. М. Штаерман в настоящем номере, стр. 81 сл.

Первый вывод, который естественно вытекает из СА, заключается в том, что отныне на все население распространяется римское право, и все местные правовые нормы и обычаи отменяются. В этом смысле высказался Л. Миттейс в своей выдающейся работе «Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreiches», 1891. В последние годы, основываясь на СА, против него выступил Шенбауер¹, выдвинувший 18 аргументов, опровергающих мнение Миттейса. Конечно, независимо от СА римское право, как это было неизбежно в единой империи, постепенно внедрялось всюду и вытесняло местное право. По уголовным делам юрисдикция принадлежала только римскому суду. Да и римское гражданское право завоевывало все больше места в жизни населения империи. Но нельзя себе представить, что одним указом были уничтожены все нормы местного права. Это был процесс медленный и длительный.

Поскольку ни преторское право, ни *edictum perpetuum* ни отдельные указы и распоряжения не представляли систематического свода законов, они не могли предусмотреть все возможные случаи, требовавшие вмешательства закона. В области гражданского права оставалось поэтому много неясного или не предусмотренного в законе. Провинциалы в таких случаях руководствовались своими местными обычаями и местными законами и постановлениями. По мере возникновения казусов римские юристы давали им соответствующие решения с точки зрения римского права, и эдикты императоров и их представителей по тому или иному частному вопросу получали силу закона, обязательного для всей империи. При таком методе разработки права оставалось значительное поле действий для местного или рецепированного на Востоке греческого права. Даже в тех случаях, где существовали законодательные нормы, римлянам приходилось считаться с местными обычаями (*consuetudo*, Dig., 48, 3, 4) и законами (*lex cuiusque loci*, Dig., 50, 6, 6, 1), с муниципальными установлениями (Dig., 43, 24, 3, 4; 47, 12, 3, 5; 50, 3, 1). Завещание римского гражданина, написанное по-гречески, было недействительно. Но в провинциях, где господствующим языком был греческий, нельзя было требовать от новоиспеченных римских граждан, чтобы они владели латинским языком, и приходилось идти на уступки (Dig., 36, 1, 76 pr.). По всякого рода имущественным тяжбам население, не знавшее римского права, боявшееся римских судей, не понимавшее их языка, часто предпочитало обращаться к своим судьям и судиться по обычному праву. Правда, решения такого суда имели главным образом моральную силу, но в некоторых случаях эта сила была достаточно велика. В частности, авторитет раввинов при господстве «закона» во внутренней жизни иудеев не уступал основанному на насилии авторитету римских властей. Поэтому разработка гражданского права в талмуде имела не только теоретический характер.

Эдикт Каракаллы резко увеличил число лиц, на которых распространялись нормы исключительно римского права. Но и после этого сделки, браки, завещания совершаются на Востоке в соответствии с греческим правом или местными обычаями или установлениями. Найденный в Гираполе сирийский кодекс V в., содержащий компиляцию главным образом семейного и наследственного права, обнаруживает много черт греческого и восточного права. В частности, порядок наследования при отсутствии завещания скорее напоминает библейско-талмудические, чем греческие и римские законы.

¹ E. Schönbauer, Reichsrecht gegen Volksrecht? ZSt. 51 (1931), стр. 277—335; Reichsrecht, Volksrecht und Provinzialrecht, ZSt. 57 (1937), стр. 309—353; *Rechtshistorische Urkunden*. «Arch. Pap.», XIII, 2, (1939), стр. 177—209.

В правовой жизни империи СА—важный этап; но это не значит, что с СА сразу исчезли все установившиеся веками местные обычаи и местное право, тем более, что эдикт не означал всеобщего уравнивания в правах—старые *соститута*, *сорта* сохранялись, вероятно, еще долгое время.

Независимо от СА и под ее воздействием римское право все более становилось господствующим и оказывало влияние на греческое и восточное право (ср., например, арендные нормы в талмуде и в римском праве). Но, как и во всех остальных областях общественной жизни, империя и здесь никогда не достигла полного уравнивания.

Неверным приходится признать и предположение, что дарование римского гражданства означало освобождение от подушной подати. Свобода от подати не вытекала автоматически из факта получения римского гражданства. Третий из эдиктов Августа, найденных в 1927 г. в Киренаике, гласит: «Тем из провинции Киренаики, кто почтен правами гражданства, я приказываю нести повинности в очереди с корпорацией эллинов, отнюдь не меньше... Мне угодно также, чтобы и те, кому дано освобождение от повинностей, были свободны от платежей (лишь) по тому имуществу, которое было тогда, а за все приобретенное после им следует платить установленное». Таким образом, жители Киренаики—эллины, получив римское гражданство, сохраняли как бы двойное гражданство, продолжая платить налоги в качестве членов *сорт* эллинов. Такое же двойное гражданство мы находим и в Розосской надписи («*Syria*», 1934). В Дигестах (*de sensibus*) мы находим ясное указание, что освобождение от налога должно было быть оговорено специальным актом: *divus Antoninus Antiocheneses colonos fecit salvis tributis... divus Vespasianus Caesarienses colonos fecit non adiecto, ut et iuris Italici essent, sed tributum his remisit capitis* (Dig., L. 15, 8, 5—7). Для того чтобы «новые Аврелии» были освобождены от подушной подати, следовало издать особый акт, которого Каракалла, очевидно, не издал. Не трудно рассчитать, что в Египте, где подушный налог платило все мужское население с 14-летнего возраста, в том числе¹ также и рабы (за последних платили, конечно, их господа)—и где ставка подати (различная в различных номах) доходила до 44 драм, отмена подати составила бы чувствительную брешь в бюджете; она и в десятой доле не компенсировалась бы тем, что новые граждане отныне должны были платить (повышенный хотя вдвое) налог на наследство. Можно сомневаться в достоверности сообщения Диона Кассия, что алчный Каракалла ради этого налога издал свой эдикт; но во всяком случае подозревать Каракаллу в бескорыстии никак нельзя.

Джонсон² предполагает, что Каракалла отменил в Египте подушную подать, компенсировав ее какими-то другими статьями. Между тем и после эдикта Каракаллы имеются документы, свидетельствующие о существовании подушной подати в Египте; этих документов мало, но они есть. Можно думать, что остракон O. Theb. 86, 243 г. имеет в виду уплату недоимки за предшествующий год, что *ἐπιτροπὴς*, которая продолжается до 250 г., или встречающийся в поздних папирусах термин *δοδεκάδραχμος* (привилегированный плательщик уменьшенного налога в 12 драм)—лишь выражение тщеславия египтян, подчеркивающих таким путем свое

¹ Принято думать, что женщины не платили подати, так как квитанций об уплате налога женщиной не дошло до нас. Но трудно думать, что в Египте была дана привилегия женщинам, которой не знала, как мы видели, Сирия. Женщины занимают большое место в папирусах, как владелицы земли, торговых предприятий: они заключают сделки и договоры всякого рода, выступая самостоятельно от своего имени. Маловероятно, чтобы они были свободны от подати, которую платили даже рабы.

² Ук. соч., стр. 534

происхождение из привилегированной группы. Но трудно оспорить SB 5677 222 г., P Strassb 118 243 г., P Ross. Georg., IV, 20 (κατ' ἀνδρὶ λαογραφίας) 223 г. По всей вероятности, произошли некоторые реформы податного обложения; в III в. в документах не встречается более συντάξιμον (подушная подать с прибавлением некоторых дополнительных личных налогов); в середине III в. встречается в Hermonopolis Magna очень похожий на подушную подать ἐξηκοντάδραχμος μερισμός εἰς τὸ κατ' οἰκίαν τῆς πόλεως¹. Но эти изменения совершались вне прямой связи с СА. Гейхельгейм полагает, как отчасти и Бикерман, что в самом эдикте было оговорено, что подати остаются попрежнему, и соответственно восстанавливает строки 15—17. Поскольку от этих трех строк сохранилось в общей сложности всего 5 букв, попытку Гейхельгейма следует рассматривать лишь как гипотезу, не имеющую обоснования ни в самом тексте, ни в других документах.

Постепенная натурализация хозяйства перенесла центр тяжести податного обложения с денежных податей на натуральные поставки—аннона. Множественность и разнообразие налогов затрудняли их взыскание, особенно в период кризиса III в. Податная реформа Диоклетиана установила единообразие во взимании податей и положила конец фикции свободы римских граждан.

Точный текст эдикта Каракаллы никакими конъектурами, как бы они ни были остроумны, не может быть восстановлен полностью, пока не будет найден другой экземпляр, лучшей сохранности. Но анализ его на основе совокупности исторических данных позволяет установить его общий смысл, и этот документ становится благодаря этому выразительным источником для характеристики общей тенденции развития Римской империи.

¹ S. Le Roy Wallace, *Taxation in Egypt from Augustus to Diocletian*, Princeton, 1938, стр. 134 сл.; H. J. Bell., *JEA*, 1942.